

Александр КАЗИН

П. Я. Чаадаев (1794—1856)

Существует множество полярных оценок деятельности Чаадаева — от русоненавистничества до русофильства. На самом деле это был «умный человек с достаточно определившимися взглядами» (о. Г. Флоровский), главная заслуга которого заключается именно в постановке вопросов. Чаадаев задумывался там, где другим было все ясно, большей частью при этом ошибался, но благодаря его «задумчивости» предметом философской науки стала сама Россия — уже на пороге Европы. Известно, что Чаадаев воевал с Наполеоном в 1812 году, дошел до Парижа и вернулся оттуда буквально пораженным Европой. Кажется, он принял ее — вполне, впрочем, по-русски — за земной рай: во всяком случае, так можно заключить из чтения его «Философических писем» (1831). Понятно, что они произвели впечатление бомбы на тогдашнее русское общество, а самого автора признали сумасшедшим — там отрицался сам факт духовно-исторического и культурного бытия России, а католический Запад превозносился как воплощение завета Христова в мире. «Мы открываем истины, давно открытые другими народами, мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из семейств человеческого рода... все непрочно, словно на перепутье: нет ни добрых навыков, ни твердых правил... мы как бы чужие для себя самих — прошлое пропадает для нас безвозвратно, как следствие заимствованной культуры... мы как бы исключение среди народов, как бы не входим составной частью в человечество, а существуем лишь для того, чтобы преподать великий урок миру»*.

Отвлекаясь пока от предметного смысла чаадаевских характеристик, признаем, что в лице Чаадаева Святая Русь получила

* См.: Чаадаев П. Я. Философические письма // Сочинения. М., 1989. С. 18–21.

как бы кривое зеркало реальных проблем. Россия действительно не восточная и не западная — она православная, и вот этого как раз и не вмещает Чаадаев. У нее действительно нет столь прочной языческой культурно-исторической традиции, как на Востоке (Китай, Индия); нет такой западной псевдохристианской цивилизации — у нее есть Бог, царство которого не от мира сего. Поразительная нечуткость Чаадаева к православию объясняется, видимо, тем, что он по ветхозаветному образцу отождествил религиозный успех с его видимыми — прежде всего социально-экономическими — проявлениями. «Искали истину — нашли свободу и благоденствие» *, — пишет Чаадаев о западных народах, как будто забывая или не зная о том, что свобода и благоденствие для христианина не самоцель, а именно одна из сторон основной христианской антиномии, другой стороной которой являются страдание, терпение и покорность. «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16 : 33), — говорит Господь. Делать вид, что христианское благовестие есть хороший способ снискать, наряду с истиной, еще и удобное существование на грешной земле — значит отступать даже не в католичество, а в ветхозаветный материализм или в кальвинистское протестантство. Многими скорбями надлежит нам войти в Царство Божие» (Деян. 14 : 22), — предупреждал людей апостол Павел, а уж с цивилизацией и комфортом, твердыми правилами и правами человека как придется: будут они — хорошо, а не будут — может, еще лучше: за одного битого двух небитых дают. Во всяком случае, сводить историю и смысл существования России к бестолковщине и неудачным заимствованиям есть именно безумие, а точнее — духовная слепота. В 1836 году русское общество это поняло — у Чаадаева почти не было сторонников, а лучше всех ответил ему А. С. Пушкин: «...Вы знаете, что я далеко не во всем согласен с Вами. Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие

* Там же. С. 30.

католической Европы было избавлено от всяких помех... У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство до Феофана было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы Реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве... Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? И (положа руку на сердце) разве не находите Вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка?.. Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, но, клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» *.

Другое дело, что вольно или невольно, независимо от своих предпочтений, Петр Чаадаев первым поставил вопрос о России в *категориях западноевропейского сознания*, и это показало всем, что оно туда *не вмещается*. В этом плане Чаадаев удивительным образом напоминает сразу Петра Великого и Декарта. Подобно царю-преобразователю, он как бы взглянул (теоретически) на Святую Русь со стороны Европы — и у него получилась сплошная путаница, в которой, однако, *жила душа*. Что касается основоположника новоевропейской философии Рене Декарта, то как бы в подражание ему Чаадаев усомнился сразу в двух основополагающих вещах, на которых зиждилась предшествующая мысль: в познаваемости мира (соответственно — России) и даже в самом факте их существования. «Я мыслю, следовательно

* Там же. С. 523–525.

но, существую», а что творится в самой реальности с ее светлыми или темными духовными энергиями — то это уже вопрос второй. Как Декарт, так и Чаадаев оказались соавторами «коперниканского переворота» в религиозной философии, после которого одна — западная — пошла по линии торжествующего рационализма и абсолютного идеализма, подчас выдавая их за христианство, а другая — русская — сразу же начала с борьбы с нами. Условно говоря, Святая Русь противопоставила «чаадаевщине» в религиозной области — преподобного Серафима Саровского, в искусстве — Александра Пушкина, в любомудрии — Ивана Киреевского и Алексея Хомякова...

И все же роль Чаадаева не так однозначна, как может показаться читателю. Вопреки своему наносному католицизму, Чаадаев был все же русский человек и русский мыслитель, и это отозвалось в его судьбе. Выражаясь словами О. Мандельштама, Чаадаев создал скорее красивую легенду о Западе, чем трезвый и прозаический его портрет: «Только русский человек мог открыть этот Запад, который сгущеннее, конкретнее самого исторического Запада. Чаадаев именно по праву русского человека вступил на священную почву традиции, с которой он не был связан преемственностью. Туда, где все — необходимость, где каждый камень, покрытый патиной времени, дремлет, замурованный в своде, Чаадаев принес нравственную свободу, дар русской земли, лучший цветок, ею взращенный» *. Внутренний пафос русского западничества — и у Петра Великого, и у Петра Чаадаева — «совершенно чужд Западу: в его основе — установка странника, взыскующего праведной земли, выбор, не имеющий иных оснований, кроме “идейных”, интуиция ухода от всего, что данность, что обозначается понятным каждому русскому интеллигенту и абсолютно не переводимым ни на какие языки словом “быт”» **. Недаром ведь через несколько лет после «Философических писем», в 1837 году, Петр Чаадаев напишет «Апологию сумасшедшего», где, по существу, отречется от национального нигилизма и предскажет России великое будущее: в отличие от Европы, которая «подавлена своими традициями и воспоминаниями» (цивилизацией. — *А. К.*), «мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто

* Цит. по: *Аверинцев С. С.* К характеристике русского ума // *Новый мир.* 1989. № 1. С. 195.

** Там же.

говорил и охотно повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества» *.

* *Чаадаев П. Я.* Апология сумасшедшего // Указ. соч. С. 150.